

— На самом деле, пока это не мешает сбору Осколков Первородного Духа, господин вполне может развивать новые любовные линии в этом мире, почему вы расстроены? В конце концов, если задание будет выполнено, то присутствие рядом в этом мире еще одного человека с хорошим характером кажется даже неплохим вариантом.

В тоне нежного детского голоса слышалась искренность.

После минутного молчания Е Фанчэн ответил:

— Раз уж поганый император мог так обращаться с Му Цинли, с какой стати давать гарантии, что Е Фанцзин потом не изменит? Разве в таком случае он не подвергнется повторной травме?

— А ты можешь гарантировать, что из-за этого не возникнут проблемы с Осколками Первородного Духа?

— ...В твоих словах есть смысл.

Безэмоциональный взгляд Е Фанчэна уставился на две на удивление гармоничные фигурки за окном повозки, и он снова произнес глухим голосом:

— Он силен — как духовно, так и физически, и не нуждается ни в чьей защите. Именно поэтому его Осколки Первородного Духа отправляются в эти миры, чтобы бросить вызов судьбе ради тех первоначальных главных героев, которые могли бы построить собственный мир, но из-за предопределенности судьбы вынуждены полагаться на партнера и превращаются в хрупкие зеленые листья.

Даже когда он сам едва ли способен себя спасти, он все равно старается выжать максимум из своего разбитого на кусочки потенциала — только так можно прожить это испытание не зря.

В самом деле, его манера поведения, как и прежде, не признает поражения.

К тому же, рискуя жизнью, я без устали тащился сюда спасать его, да еще и должен терпеть унижение, снова и снова умирая от его руки. С какой стати ему не думать о великой цели, а вместо этого забивать голову любовными утехами?

Стоило Му Цинли вернуться в экипаж, как в его голове прозвучала именно эта фраза.

Он молча окинул бесстрастного Е Фанчэна взглядом, подвергая его внутренний монолог определенному сомнению.

Судя по тому, сколь не церемонился с ним маленький ученик все это время в своих мыслях, Му Цинли лишь предполагал, что они, возможно, знакомы, но никак не мог разглядеть между

ними связь, способную заставить людей жертвовать друг ради друга жизнями и потрясать небеса.

Он считал, что маленький ученик скорее воспринимает его как заклятого врага.

Однако этот странно отдающий ревностью тон все же успешно его позабавил.

Повозка выехала из Императорского дворца и направилась к загородному поместью Му Цинли. Е Фанчэн смотрел на Му Цинли, который с самого момента посадки в экипаж хранил молчание, но не выпускал с губ легкую улыбку и выглядел весьма довольным, мысленно примерил на себя образ, отведенный ему системой, и подал голос:

— А что у вас с Е Фанцзином?

— Разве ты не говорил, что любишь меня? — в ответ осведомился Му Цинли.

— Я-то тебя люблю, но это не мешает мне любить и Е Фанцзина, — отозвался Му Цинли.

Е Фанчэн: «?»

Тот небрежно бросил:

— Что до тебя, то ты никчемный любовник, которому я по неосторожности уже отдал сердце, но от Е Фанцзина я чувствую искренность и заботу, каких прежде не знал. Забрать сердце у тебя и постепенно растаять от его внимания, переключив свои чувства на другого, — всего лишь вопрос времени.

Он, он посмел...!

— Успокойся...

Ты слышишь, что он мелет?

— Прямо как ты раньше, один в один.

..... Возразить было нечего.

Вдоволь наслушавшись внутреннего гнева маленького ученика, Му Цинли подернул цепь у него на запястье и с улыбкой, в которой читалось нечто неопределенное, продолжил:

— Теперь ты — вещь, пожалованная мне будущим императором, и должен просто послушно повиноваться. Когда-нибудь, когда ты мне надоешь, я вышвырну тебя вон.

Е Фанчэн: «.....»

Послушайте, разве так говорят люди?

Однако в данный момент у Е Фанчэна не было права на сопротивление, и ему оставалось лишь покорно следовать за Му Цинли в загородный дом, о существовании которого он прежде даже не догадывался.

— Так Е Фанцзин изначально был спрятан у тебя? — переступив порог резиденции и ощутив в воздухе остаточные следы чужой жизни, Е Фанцзин внезапно понял, почему они с Системой Небесной Книги никак не могли выследить Е Фанцзина.

Му Цинли ответил с полнейшей невозмутимостью:

— Верно. Я же говорил тебе, что он у меня дома, только ты не захотел верить.

Неизвестно почему, но докопавшийся до правды Е Фанчэн почувствовал, как вспыхнувшее внутри раздражение стало еще острее.

— Выходит, те моменты, когда тебя не было во дворец, ты проводил с ним, предаваясь тайным встречам?

Столкнувшись с допросом в стиле ревнивого мужа, заподозрившего измену молодой жены, Му Цинли не удержался от смешка:

— Разве так говорят о тайных встречах? Впрочем, можешь считать и так, хотя вовсе не каждый раз: порой я возвращался в Клан Му, а ему отправлял весточку с почтовым голубем.

Наблюдая за мрачной аурой вокруг Е Фанчэна, Му Цинли поддразнил его:

— Что такое? Неужели братец Фанчэн ревнует?

Му Цинли перестал называть его так с тех пор, как Е Фанчэн взошел на престол. Теперь же, услышав это прозвище вновь, он на мгновение замер, соображая, и ощутил странную неловкость от столь приторного обращения:

— Ты себе нафантазировал лишнего, я... просто злюсь, что ты посмел сговориться с другими за моей спиной и предать меня.

— Ты сам осмелился скрывать от меня свою истинную ориентацию и обманывать мои чувства, так чего же мне бояться? — Му Цинли широко распахнул глаза, изобразив крайнее удивление.

Е Фанчэн снова лишился дар речи, пригвожденный его репликой.

Му Цинли вновь взял его за руку и заговорил мягким тоном:

— Забрать тебя я заранее обговорил с Е Фанцзином. Не злись, я велел заранее обустроить для тебя в этом поместье отдельную комнату, что в полной мере доказывает глубину моих чувств. Я отведу тебя туда прямо сейчас, тебе наверняка понравится.

Прислушиваясь к все более ласковому тону Му Цинли, Е Фанчэн чувствовал, как предчувствие беды растет с каждой секундой — вплоть до того момента, пока они наконец не добрались до упомянутой комнаты.

«?» Фраза «Ты сошел с ума?» едва не сорвалась с губ Е Фанчэна, но он все же усилием воли подавил ее, опираясь на внутреннюю стойкость.

Вот только каменная комната представала перед глазами скорее тюремной камерой, предназначенной для содержания особо опасных преступников, чем человеческим жилищем. Про тюремные решетки на окнах и говорить нечего — когда Е Фанчэн зашел внутрь и увидел залежи разнообразных орудий пыток, о которых даже помыслить было страшно, его лицо окончательно потеряло прежнее выражение и треснуло.

Даже внутреннее спокойствие дало трещину.

Сколько там по шкале прогресса? — безжизненно осведомился Е Фанчэн про себя после минутного молчания.

Еще никогда он так остро не жаждал наступления сюжета со сладкой местью и покушением.

Девяносто пять.

Нравится? — вопрос Му Цинли сделал его образ в глазах Е Фанчэна еще более безумным.

Поджав губы, Е Фанчэн ответил:

— Если я скажу, что не нравится, ты позволишь мне перебраться в другое место?

Му Цинли усмехнулся и промолчал. Вместо этого он подошел к столу, долго разглядывал разложенные там вещи, затем вытянул оттуда хлыст с виду неплохой гибкости, слегка натянул

его в руках, после чего раздался прохладный тихий голос:

— Похоже, ты расслышал меня не до конца. Спрошу еще раз.

Нравится?

Е Фанчэн: — ...Нравится.

Падший император — вот докуда доходит его смирение.

Нынешний никчемный любовник Дуаньму: С таким свирепым характером ему вовсе не нужна чья-то защита.

Будущий никчемный любовник Дуаньму: ...Я никчемный любовник, сын судьбы, опекаемый Сознанием Мира, не мог бы ты взглянуть на меня хоть разок и позволить защитить себя?!

Му Цинли: закуривает.jpg

#сегодняшнийпоганийимператорсмиранныйнегодяй#

Первый мир (Завершен)

Под принуждением Му Цинли, не подкрепленным никакими посулами, Е Фанчэн остался жить здесь.

На самом деле Му Цинли и вправду подошел к обустройству этой комнаты со всей душой: если отбросить мрачноватый экстерьер и пугающие орудия пыток в прихожей, внутреннее убранство вполне сошло бы за нормальные покои.

Особенно широкая кровать в комнате — она ничуть не уступала его Драконьему ложу.

Стоя у постели и глядя на напоминание Системы Небесной Книги о девяносто пяти процентах прогресса, Е Фанчэн немного приуныл.

Его не покидало ощущение, что, заперев его в таком месте, Му Цинли явно замышляет нечто далеко не самое целомудренное.

Я теперь тоже слегка нервничаю, — подала голос Система Небесной Книги, уловив ход его мыслей, пока Му Цинли отлучился из комнаты по хозяйственным делам.

Брови Е Фанчэна слегка сошлись на переносице:

— С чего это тебе нервничать?

— Судя по вашей ситуации, не решится ли Му Цинли со зла взять верх и наказать тебя, прижав к кровати и проделав всякое такое?

Ершистое выражение лица Е Фанчэна мгновенно позеленей.

Будь у Системы Небесной Книги материальное тело, она, пожалуй, уже умерла бы в руках Е Фанчэна раз эдак восемьсот.

Му Цинли вскоре вернулся. Е Фанчэну казались крайне странными кандалы на руках: с самого рождения он не сталкивался с подобным обращением, тем более со стороны Му Цинли...

Не удержавшись, он подал голос:

— Я согласен остаться здесь и составить тебе компанию, но нельзя ли сначала снять эту штуку?

— Не хочу, — устроившись за столом, Му Цинли устремил на него взгляд. — А вдруг ты воспользуешься случаем и сбежишь?

Взгляд Му Цинли, прикованный к нему, впору было назвать жгучим, впору — заикленным:

— Е Фанчэн, тебе и в этой жизни не удастся ускользнуть от меня и обрести свободу. Я уже говорил: лишь я один решаю, как сложится твоя судьба.

Е Фанчэн слегка замер, и на миг их взгляды пересеклись, позволив ему заметить в глазах Му Цинли сложную смесь холодной ярости...

и еще какую-то эмоцию, которую он не сумел расшифровать.

Е Фанчэн тихо и послушно сидел на краю постели, глядя на Му Цинли спокойным, чуть растерянным взглядом.

Му Цинли был способен слышать его внутренний голос и даже догадывался, что их странные странствия с детским голоском по мирам, вероятно, преследовали какую-то цель, связанную с ним самим. Едва ли это несло в себе откровенное зло, но для самого Му Цинли существовали лишь воспоминания о предательстве после всей полноты отданных в прошлом жизни чувств.

— Ты мне задолжал, — произнес он, не мигая, и его голос постепенно стих.

В конце концов, помня обо всем пережитом, его сердце смягчилось к маленькому ученику.

Обычно Му Цинли не прощал тех, кто смел предавать его и причинять ему боль, преследуя их хоть десять жизней подряд и превращая каждое новое воплощение в крошечный ад, полный скандалов, уныния и тоски. Но раз уж в этой текущей жизни он мог убедиться, что поступки маленького ученика продиктованы не злым умыслом, а необходимостью собрать Осколки Первородного Духа для завершения задания, он отпустит его, как только этот мир завершится.

Сказано — сделано.

Сам Е Фанчэн тем временем тоже оказался слегка выбит из колеи и пристыжен последней фразой Му Цинли.

Хотя он являлся в эти миры лишь ради того, чтобы отыграть роль никчемного любовника и собрать осколки души Му Цинли, для самого Му Цинли, не сохранившего память о прошлых мирах, каждое расставание должно было оборачиваться жгучей ненавистью.

Стоит ему собрать осколки воедино и вернуть Му Цинли память, как эта ненависть не угаснет, а лишь приумножится.

В конце концов, тот был слишком горд.

Е Фанчэн с головной болью потер виски, мысленно смирившись: ладно, всяко лучше, чем если бы человек исчез навсегда и никогда больше не вернулся.

Пальцы Му Цинли, лежавшие на коленях, едва заметно дрогнули, а губы сжались в тонкую линию.

Смена власти при дворе произошла стремительно: за одну ночь бразды правления перешли к другому человеку, причем весь процесс прошел на удивление мирно. В тот момент простые обыватели столицы еще сладко спали, и лишь проснувшись на следующий день и увидев расклешенные городской стражей указы и императорский манифест, они узнали о грядущей смене престола.

Тогда же на суд общественности были вынесены детали давнего дела о ложном обвинении Е Фанцзина, а также правда о том, что Е Фанчэн вовсе не был кровным сыном покойного императора и творил злодеяния в сговоре с Кланом Лян. Последний в одночасье превратился в объект всеобщих проклятий, а Е Фанцзин был полностью реабилитирован, признан народом и вернул себе законное право на престол.

Что же до местонахождения Е Фанчэна, то подавляющее большинство решило, что он навечно

заперт в дворцовом подземелье — так Е Фанцзин якобы оградил и Му Цинли, и самого Е Фанчэна от лишних глаз. Не говоря уже о том, что случилось бы, узнай простолюдины правду, эти любопытные зеваки наверняка побежали бы в загородное поместье Му Цинли доставлять ему хлопоты.

Му Цинли не любил хлопоты, и Е Фанцзин прекрасно это понял еще во время совместной жизни. Переживал он вовсе не за самого Му Цинли, а скорее за тех дураков, что имели неосторожность потревожить его обратную сторону чешуи.

Ради их же безопасности он решил сохранить всё в тайне.

Что же до Е Фанчэна, то с тех пор, как Му Цинли привез его в поместье, он неизменно покорялся его разнузданности, послушно растеряв всю бывшую у него на троне надменность и не оставляя Му Цинли ни единого шанса устроить карательную экзекуцию.

Целью его задания изначально был Му Цинли, и даже без домашнего ареста он бы никуда не сбежал. Лишь когда Му Цинли накопит достаточно энергии и убьет его в отместку за прошлые обиды, Система Небесной Книги сможет уловить момент и забрать осколки души.

Ну а сознание останется в этом мире на замену первоначальному главному герою, продолжит развивать собственную ветку судьбы и наконец взойдет на вершину жизни.

Потому идея о том, что Е Фанчэн проведет дни в поместье Му Цинли тихо и мирно... была заранее обречена на провал.

— Не любишь мужчин, значит?

В изолированной от звуков специальной комнате, на большой кровати, застеленной мягким матрасом, крупная фигура Е Фанчэна оказалась прижата вплотную к стене. Тяжелые, мешающие жить кандалы Му Цинли давно снял, но, чтобы исключить попытки сопротивления, предусмотрительно приковал его к изгороди кровати более легкой цепью.

С тех пор как нрав Му Цинли претерпел столь кардинальные изменения, в нем не осталось ничего от простоватого увальня из воспоминаний: помимо ауры, заметно повзрослел и его стиль в одежде.

Подобные перемены не только сблизили его внешне с истинным характером, но — что хуже всего — он унаследовал свою ослепительную, утонченную красоту. Присущие его лицу и манерам прохлада и отстраненность удивительным образом сочетались с бунтарством и дерзостью, проступавшими сквозь кости, из-за чего любая случайная улыбка казалась произвольным соблазнением.

Не говоря уже о том, что он откровенно дразнил Е Фанчэна.

Распустив черные, как смоль, пряди волос, Му Цинли сидел верхом на Е Фанчэне, заставил того перестать отводить взгляд, силой развернув к себе лицо, и прищурился в усмешке:

— Тогда почему ты не смеешь посмотреть на меня?

Выражение лица Е Фанчэна было жестким и напряженным; стоило ему попытаться опустить глаза, как в поле зрения некстати вторгнулся участок обнаженной кожи, открытый чужой волей.

Глубоко вздохнув, он процедил сквозь зубы с едва сдерживаемым гневом:

— Оденься нормально.

После долгой разлуки Му Цинли и вправду стал источником головной боли. Прежде, устраивая бунты и докучая ему, он хотя бы появлялся при параде, а теперь разгуливает в таком непотребном виде...

Будто назло ему, Му Цинли легкомысленно усмехнулся:

— Мне так прохладнее. Это мой дом, как хочу, так и хожу. К тому же, раз уж ты равнодушен к мужчинам, то сколько бы я ни оголялся, на тебе это никак не должно сказываться, верно?

За минувшие дни Му Цинли пришел к более глубокому пониманию истинной природы своего маленького ученика. По большому счету, его ученик представлял собой чересчур правильный, заскорузлый валун — вроде тех донельзя педантичных старых наставников, что свято чтут правила и не способны ни на один дерзкий поступок.

А то, что Е Фанчэну делать не хотелось, Му Цинли нравилось вдвойне.

Надо признать, его маленький ученик и впрямь оказался образцом добродетели, каких не сыскать ни в древности, ни в современности: сколько бы он ни соблазнял его изо дня в день, тот всё терпел и оставался абсолютно безучастным. Помимо сомнений в традиционной ориентации парня, Му Цинли временами даже допускал иную вероятность.

Например, не страдает ли тот какими-то мужскими недугами — в конце концов, казалось, что эта оценка задевает маленького ученика сильнее всего.

Размышляя об этом, Му Цинли нарочно обвился руками вокруг шеи Е Фанчэна и слегка потерся о него, наблюдая, как на лице мужчины проступает напряжение, а дыхание становится тяжелым, словно тот борется с последними силами.

— ...Му Цинли, ты! — Впервые на памяти Му Цинли Е Фанчэн продемонстрировал столь

доведенное до ручки выражение лица, едва ли не желая немедленно вышвырнуть его прочь.

— Хватит. — Стоило ему заговорить, как собственный голос показался ему хриплым и надтреснутым.

Му Цинли довольно улынулся, царапнув ногтями его кадык, словно лапкой котенок:

— Смотри-ка, а ведь твое сердце не так уж безмятежно, как кажется на первый взгляд.

Е Фанчэн отказывался признавать, что от близости Му Цинли его сердце действительно забилося быстрее, и в конце концов не выдержал:

— Не делай того, о чем впоследствии пожалеешь.

Настоящий Му Цинли отнюдь не питал к нему симпатии — именно поэтому Е Фанчэн столь ревностно оберегал границы дозволенного. Эти воспоминания останутся с Му Цинли после пробуждения, и если он действительно перейдет черту, то превратится в бессовестного негодяя, воспользовавшегося чужой слабостью.

К тому же, он здесь просто выполняет задание, с чего бы ему... испытывать чувства к этому вечно доставляющему хлопоты парню.

Услышав доброжелательное предупреждение, Му Цинли усмехнулся:

— Вот если я не поиздеваюсь над тобой вволю прямо сейчас, тогда точно пожалею.

С этими словами тот, кто сидел на нем, внезапно подался вперед и легко прикусил его за мочку уха, будто нарочно распаляя затаенное желание. Е Фанчэн сжал кулаки, крепко зажмурился и попытался очистить разум, отгоняя мысли о чужих мелких провокациях.

Но в то же время не мог не злиться: до чего же Му Цинли в этом искусен?

Его сердце против воли заколотилось чаще, стоило осознать, что прикосновения Му Цинли ему вовсе не неприятны — просто рядом с ним он всякий раз терял привычную почву под ногами.

Словно заблудившийся в лабиринте путник, отчаянно ищущий выход, но способный лишь беспомощно метаться из стороны в сторону.

Пока у самого уха вдруг не раздался тихий, полный смутного томления ласковый шепот:

— Братец Фанчэн, неужели ты и правда не хочешь меня?

Е Фанчэн резко распахнул глаза и встретился с лукавым, торжествующим взглядом Му Цинли.

Словно бессовестный злодей, затеяв игру, но не планирующий тушить вспыхнувший пожар, Му Цинли неторопливо выпрямился, окинул его сверху вниз пренебрежительным взглядом и обронил с улыбкой:

— Ты проиграл.

Пока Му Цинли удалялся из комнаты, не оборачиваясь, Е Фанчэн продолжал неподвижно сидеть на кровати, не в силах прийти в себя.

Лишь в этот момент до него дошло: сердце трепетало и мучилось исключительно у него одного, а вот кто действительно умел сохранять водную гладь невозмутимости и каменное спокойствие, так это Му Цинли.

Му Цинли и впрямь занимался лишь местью — отыгрывался за все те гадости, что он творил с ним в прошлом.

— Какое убожество, до чего же жалко выглядишь.

Наконец допущенная до связи Система Небесной Книги жалостливо обратилась к Е Фанчэну, который продолжал в одиночестве созерцать стену и размышлять о бренности бытия.

[Заткнись.] В голосе Е Фанчэна сквозь тяжесть пробивалась усталая седина веков.

И он вновь подумал о том, что ему вообще не следовало ввязываться в эту авантюру — немудрено, что после всего случившегося никто больше не горел желанием сюда соваться.

С характером Му Цинли разве кто-то посмеет связаться?

— Эх, раз уж ты с самого начала знал нрав господина, с какой стати сам напросился ко мне со словами, что намерен его спасти?

Е Фанчэн снова умолк.

.

Так Е Фанчэн и провел в этом мире добрый десяток лет, мирно сосуществуя с Му Цинли в условиях одностороннего домашнего ареста — если не считать ежедневных мучительных испытаний на прочность и непрекращающихся проверок его выдержки на прочность.

<http://bllate.org/book/22175/2310359>